

Комиссия по подготовке
мирных договоров и пос-
левоенного устройства.

31
Сов. Секретно.

" 15 " ноября 1944 года

№ 91/ск

Д. П. Х. Я. В.
ВНЕШНЕПОСЛАНИЕ
05
12. 14
6
9. 143
с. 31

О ПЕРСПЕКТИВАХ И ВОЗМОЖНОЙ БАЗЕ
СОВЕТСКО-БРИТАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.

Общая харак-
теристика
англо-рус-
ских отно-
шений.

Ни одно положение не получило в литера-
туре, посвященной изучению международных внеш-
них отношений, такого распространенного призна-
ния, как тезис об антагонизме и непримиримости
интересов России и Англии. Соперничество между Россией и Анг-
лией рассматривается многими историками как основной стержень,
вокруг которого на протяжении большей части XIX и первых лет
XX века вращалась вся международная жизнь. Такая оценка рус-
ско-английских отношений со стороны историков и публицистов
частично, хотя и в гораздо более слабой степени, отражена и в
официальных материалах, посвященных русско-английским отноше-
ниям. Если мы, например, ознакомимся с опубликованными Мартен-
сом тремя томами трактатов и конвенций, заключенных между Рос-
сией и Англией, и с пространными комментариями автора к ним, то
мы найдем в них богатый фактический материал, иллюстрирующий
напряженность русско-английских отношений.

При рассмотрении этих отношений бросается, однако, в гла-
за тот разительный факт, что на протяжении всего своего прош-
лого обе страны находились в состоянии фактической войны между
собой лишь один раз, а именно в 1854-56 г.г. /Крымская кампа-
ния/. Находясь в противоположных коалициях во время семилетней

7239-11

шений между Россией и Англией.

Англо-Совет-
ские отноше-
ния.

Нет ничего удивительного поэтому в том, что среднеазиатские дела вновь обрели свою живучесть, когда Англия повела свой крестовый поход против Советской России, и что к этому старому и испытанному оружию в первую очередь прибегли наиболее непримиримые и традиционно враждебно настроенные к России круги Англии - английские консерваторы. В условиях, сложившихся после Октябрьской революции, уже довольно трудно было поддержать и оживить старый миф о "русской" угрозе Индии, об опасности "русского похода на Индию" и т.д., но зато сама Октябрьская революция с ее лозунгами национально-освободительного движения создавала почву уже для новой и притом гораздо более убедительной кампании - кампании против большевистской угрозы на Востоке.

Во вновь сложившихся отношениях между Англией и Советской Россией среднеазиатская проблема как таковая /во всяком случае в старом ее понимании/ перестала уже играть какую-либо самостоятельную роль. Не расстоянием, которое отделяло Индию и другие английские колонии от русских владений, измерялась уже "русская опасность" для Англии. Эта опасность и угроза стала усматриваться во взрывчатой силе большевистских идей и лозунгов. В противоположность прошлому, идеологический фактор начинает занимать уже крупное, если не решающее, место в отношениях между Англией и Советской Россией.

Переходя к послереволюционному периоду, надо сразу отметить, что для взаимоотношений, существовавших между Англией и Советским Союзом, между первой и второй мировыми войнами, вряд ли можно считать характерными те позиции, которые обе страны заняли по отношению к друг другу в первые годы после

Октябрьской революции. Интервенция, оккупация, блокада со стороны Англии были вызваны не какими либо столкновениями государственных интересов обеих стран, а самым фактом первой социальной революции, сопровождавшейся к тому же заключением советской властью сепаратного мира с Германией и аннулированием дореволюционных долгов. Целью враждебных актов Англии было свержение советского режима, а в дальнейшем, когда эта задача оказалась невыполнимой, по крайней мере принуждение советской власти к аннулированию декретов об отказе от долгов, о монополии внешней торговли и др. Хотя в интервенции, в которой участвовала вся Антанта, Англия играла в едущую роль, она первая же, убедившись в недостижимости поставленных интервенцией целей, стала нащупывать соглашение с советской властью. В лице своего премьера Ллойд Джорджа Англия ^{выдвинула} ~~положительные отношения~~ к идее ^ю конференции на Принцевых островах, она проявила инициативу в ослаблении и даже снятии блокады и в созыве Генуэзской конференции, она первая стала завязывать торговые отношения, заключив торговое соглашение еще в 1921 г., ^{из стран Антанты} и почти первая формально признала Советское правительство. Во всем этом сказывалась свойственная английской внешней политике свобода от доктринерства, искусная приспособляемость к меняющимся обстоятельствам и своего рода оппортунизм, т.е. готовность к компромиссным соглашениям.

Восстановление дипломатических отношений отнюдь не означало установление между обоими странами хотя бы мало-мальски дружественных отношений. Можно сказать, что вплоть до июня 1941 г. англо-советские отношения отличались то открытой, то скрытой враждебностью, которая менялась лишь в своей интенсивности и во внешних формах проявления. Если проследить английскую печать и даже соответственные официальные английские до-

кументы за рассматриваемый нами период, то можно было бы прийти к заключению, будто главным фактором, определявшим англо-советские взаимоотношения, являлась так называемая пропаганда. Но такое заключение было бы совершенно ошибочным, ибо, во-первых, этой пропаганды не было, а, во-вторых, если бы она и существовала даже в тех размерах, в каких она предполагалась, она в указанный период не составляла никакой угрозы ни государственному существованию Британской империи, ни ее социально-политическому режиму. К обвинениям и упрекам в пропаганде те или иные английские круги прибегали в агитационных целях, когда нужно было этим прикрывать и оправдывать общую враждебность Советскому Союзу английской политики или отдельные враждебные акты. Такую же приблизительно роль играл и вопрос о долгах, хотя он действительно задевал, если не интересы империи, то по крайней мере отдельных влиятельных кругов и лиц из правящих классов Англии. Этот вопрос можно считать почти ликвидированным с 1934 г., когда Саймон снял свою декларацию о долгах при подписании нового торгового договора.

Но может быть на отношении Англии к Советскому Союзу давали старые разногласия, определявшие ее отношение к царской России? И на этот вопрос приходится ответить отрицательно. Нами уже выше указывалось, что расчленение Оттоманской Империи, происшедшее во вполне благоприятных для английских интересов формах, значительно уменьшило или, можно сказать, совсем устранило остроту так наз. восточного вопроса. Англия конечно искоса смотрела на дружбу Советского Союза с кемалистской Турцией, на ликвидацию англо-русского соглашения 1907 г. признанием полного суверенитета Афганистана и установлением с ним дипломатических отношений, на усиление влияния Советского Союза в Сибиряне, но во всем этом уже не усматривалось непосредственной опасности для Индии. Для подготовки или

объяснения какого либо враждебного акта против Советского Союза Керзон, Хорн и ему подобные, правда, поднимали иногда крик об опасности для империи, в частности для Индии, от советских антиимпериалистических, антиколониальных лозунгов, но об этом забывали как только в подобном агитационном материале миновала надобность. После 1932 г. подобные крики даже в печати и вовсе прекратились. Одно время Англия усматривала некоторую опасность своим интересам на дальнем Востоке от внедрения нашего влияния в Китай /при Бородине/, но разрыв с Чан-Кай-ши, конфликт с Манчжурией на КВЖД, а в дальнейшем вступление в Манчжурию и в Китай Японии, успокоили и на этот счет Англию. Развитие жизни европейских стран также не выдвигало каких-либо конфликтных моментов между СССР и Англией. Не приходится считать также серьезными конфликтами такие незначительные споры, возникавшие время от времени между обоими странами, как, например, по поводу казни Дэвисона, ареста Стэнгардинг, сотрудников Метро-Виккерс и других английских подданных, трехмильной территориальной зоны, консульской сети и т.п. Вот почему в совместном комюнике по поводу посещения Аденом Москвы в 1935 г. констатируется отсутствие конфликта интересов обеих стран, а еще до этого не кто иной как сэр Остин Чемберлен публично заявил, что "не существует ничего, что препятствовало бы развитию самых дружественных отношений между СССР и Англией".

Чем же, спрашивается, определялась позиция английско правительства, мешавшая установлению действительно нормальных и даже дружественных отношений между обоими странами? Объяснения надо искать этому в первую очередь в разности режимов. Англия в данном случае действовала в роли представительницы всего капиталистического мира, не желавшего полностью мириться с существованием социалистического государства, дававшего

разность режимов

все больше и больше доказательств своей живучести и успешности завершения строительства коммунистического государства. Неудивительно поэтому, что наиболее последовательно и упорно эту политику проводили представители английской крупной финансовой, промышленной и землевладельческой буржуазии - консерваторы. Если противоречащее их интересам государство не может быть уничтожено, рассуждали они, то нет надобности содействовать его укреплению, тем более что такое укрепление противоречило и традиционной английской политике равновесия сил. После поражения наиболее сильной континентальной державы в лице Германии, растущее и крепнущее Советское государство могло бы вновь нарушить равновесие сил. Кроме того, Англия своим поведением хотела давать пример другим капиталистическим государствам, т.к. сближение Франции и США с Советским Союзом еще больше угрожало бы нарушением равновесия сил, и не только в Европе, но и в мировом масштабе. Все же, после 1933 г. в англо-советских отношениях наступает период спокойствия, свободный от потрясений, но также и от попыток серьезного сближения.

Социально-классовая вражда к Советскому Союзу настолько в'елась в плоть и кровь английских консерваторов, что они с трудом меняли свою позицию даже тогда, когда на политическом горизонте появилась действительная опасность не только интересам Британской империи, но и самому ее существованию - опасность гитлеровской агрессии. Имеются несомненные документальные доказательства того, что английский генеральный штаб уже около 1935 г. начал строить свои стратегические расчеты на полном убеждении в том, что ближайшим врагом Англии, с которым придется сражаться, явится Германия, и что Англия и Советский Союз вновь окажутся союзниками и соратниками в борьбе с этим

врагом. Но даже это обстоятельство мало влияет на позицию консерваторов. Правда, под напором оппозиции и общественного мнения, встревоженных угрозой со стороны Германии, английское консервативное правительство начинает проявлять некоторое колебание. Оно несколько ослабляет свою политику изоляции СССР, не противится его вступлению в Лигу Наций и, скрепя сердце, даже дает благословение на советско-французский пакт о взаимопомощи. Делает оно, однако, эти отступления от своей позиции неохотно, надеясь все время на возможность соглашения с гитлеровской Германией и столкновение последней с Советским Союзом. Мюнхен дает ему иллюзию исполнения этой надежды, но захват Гитлером Австрии и Чехословакии и его нажим на Румынию и Польшу заставляют консервативное правительство Англии предпринять шаги к сближению с Советским Союзом. Но оно делает это так неискренно и так нерешительно, что переговоры с Советским Союзом срываются со всеми вытекающими отсюда гибельными для Англии последствиями. Политика Чемберлена терпит полный крах, и Англия оказывается не только фактически союзником СССР, в войне с Германией, но и заключает с ним союзный договор на 20 лет. Можно надеяться, что последствия влоподучной политики Болдуина-Чемберлена не чему научат английских консерваторов, и что они на путь этой политики после нынешней войны не вернутся.

Резюме и
выводы.

Заключение англо-советского союзного договора заложило фундамент длительного англо-советского сотрудничества, но это лишь фундамент, не имеющий большого значения, пока на нем не будет воздвигнута соответственная надстройка. Формально действие договора ограничено совместной борьбой с Германией. Учитывая, что мирные условия, которые будут навязаны Германии, не позволят последней вновь стать сколько-нибудь значительной военной угрозой хотя бы для одной из двух союзных стран на протяжении срока договора, можно было бы предполагать, что действительное значение этого договора совершенно ничтожно. Такое заключение было бы однако не совсем правильно. Не надо забывать поведения Англии после первой мировой войны, когда она сразу стала на путь оказывания всяческого рода помощи Германии с целью помочь ей укрепиться, вооружаться и вновь играть крупную роль в европейских делах. Англия помогала Германии освободиться от репарационных платежей, а также от военной оккупации Рурской и Рейнской областей. В длительной послевоенной борьбе между Германией и Францией Англия неизменно оказывалась почти в роли секунданта первой. Она содействовала внутреннему укреплению гитлеровского режима и росту его престижа за границей разного рода дипломатическими уступками и подачами. Она воспрепятствовала принятию Францией и Лигой Наций каких-либо мер в ответ на ремилитаризацию Рейна и на аннулирование Гитлером военных клаузул Версальского мирного договора. Вопреки этим клаузулам, она особым морским соглашением санкционировала воссоздание германского военного флота. Короче говоря, она создала все те предпосылки, которые позволили Германии настолько укрепиться в политическом и военном отношении, чтобы решиться на оказание открытой помощи Франко в Испании, на захват Австрии и Чехосло-

вакии, а затем на развязывание нынешней войны. Учитывая все это, надо сказать, что смысл англо-советского договора состоит в том, что обе стороны обязываются не только не оказывать никакой помощи Германии, но и не позволять себе и другим никаких действий, которые помогли бы Германии вновь стать на ноги и готовиться к реваншу. С этой точки зрения было бы полезно еще до конца войны соответственно уточнить пункт 2-й статьи 3-ей, не давая ни в коем случае согласия, предусмотренного вторым параграфом статьи 4-ой касательно отпадения этой статьи в результате создания международной организации безопасности.

/См. приложение/.

Другая серьезная база англо-советского сотрудничества создается из неизбежного стремления обеих стран в их собственных интересах к обеспечению мира в Европе на максимально большой срок. Признается теперь аксиомой, что непременным условием такого мира является англо-советское сотрудничество и что, наоборот, отсутствие такого сотрудничества создавало бы предпосылки для третьей мировой войны. Эту мысль совсем недавно выразил английский журнал "Спектейтор" следующим ясным образом: "... Если англо-советский союз не будет сохранен, Европа очутится на пути, который приведет к новой войне... Если они будут сотрудничать, большая война в Европе окажется невозможной. Но если они будут противодействовать друг другу, война станет почти неизбежной".

Обязательной предпосылкой такого сотрудничества и добросовестного выполнения договора в вышеуказанном смысле является конечно максимальное устранение разногласий, ранее существовавших между советской страной и Англией, и недопущение возникновения новых разногласий, в результате послевоенного переустройства.

Мы пытались в настоящей записке доказать, что разногласия прошлого почти исчезли или во всяком случае значительно смягчены. Вряд ли кто либо в Англии видит теперь непосредственно угрозу Индии с нашей стороны. Центр тяжести всей индийской проблемы уже давно переместился из плоскости защиты Индии от внешней угрозы /если не считать угрозы со стороны Японии/ в плоскость борьбы между Англией и внутренним индийским движением за национальное освобождение. Ныне надо предвидеть давление на Англию в сторону изменения статута Индии со стороны США. Конечно, в Англии еще имеется, по выражению выщепитированной статьи "Спектейтора", "горсточка безрассудных и безответственных людей, которые... многозначительно намекают на угрозу Индии" со стороны СССР. Но это является лишь куполом, к которому и в дальнейшем будут прибегать в агитационных целях враждебные нам элементы. Отсюда, однако, не следует, что Англия равнодушно относилась бы к нашему дальнейшему продвижению на эт Персии и в Афганистан. Свои подступы к Индии Англия будет охранять с неменьшей энергией, чем до сих пор. Необходимо будет поэтому и после войны сохранить и соответственно видоизменить существующее ныне англо-советское соглашение в отношении Ирана и условиться о координации действий обеих стран в Афганистане и, может быть, в Синьцзяне.

Вопрос о проливах давно потерял свою былую остроту, но он все-таки существует. Нынешнее положение ~~вполне~~ удовлетворяет Англию, но не удовлетворяет нас. Пересмотр конвенции о проливах неизбежен во всяком случае, и вряд ли Англия будет противиться ему. Мы уже выше отметили, что мы должны добиваться изменения конвенции в желательную нам сторону и, если возможно, перехода контроля в руки черноморских прибрежных стран. Нет оснований думать, что Англия не пойдет нам навстречу в этом вопросе. /См. стр. 22. ./.

Недавно одна английская газета задумала оживить вопрос о дореволюционных долгах. Вытаскивать этот вопрос из архива можно было бы только при крайне обостренных отношениях между обоими странами, но не при стремлении к сотрудничеству. Можно будет скорее при благоприятных обстоятельствах поставить вопрос о нашей стороне об окончательном и полном аннулировании такого рода претензий. Равным образом, вопрос о пропаганде уже давно перестал играть какую либо серьезную роль в англо-советских отношениях и он может воскреснуть опять лишь в качестве жупела во враждебных нам статьях и речах безответственных лиц. Не следует, однако, недооценивать фактор общественного мнения в англо-саксонских странах, выполняющий определенную функцию в области внешней политики. Оно может обострять и раздувать и мелкие противоречия и сильно давить на политику правительства, как это часто имело место как при англо-русских, так и англо-советских отношениях.

(в англо-советских отношениях)
 Единственное крупное противоречие, которое послевоенная

эпоха унаследует от прошлого, может вытекать из соображе-

равновесия сил в Европе. Это противоречие может даже пол-

ную остроту в результате возросшей мощи СССР, который

поражения Германии, ослабления Франции и Италии окажется

ственной могучей континентальной европейской державой. Но

но вся острота данного вопроса должна с особой силой толк

Англию к соглашению с нами. Такое соглашение же осуществимо

лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Ев-

ропе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сфе-

рой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию,

Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Бал-

канского полуострова, а равно и Турцию. В английскую сферу

безусловно могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция,

*Полюбовное
 разграничение
 сфер безо-
 пасности в
 Европе*

Испания, Португалия и Греция. Подобные схемы обсуждались в известной книге Уолтера Липпмана, а также в многочисленных статьях заграничной печати. Так, например, писала недавно Лондонская газета "Таймс", что в то время как англичане заинтересованы в обеспечении безопасности своих коммуникаций в восточном районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке, Советский Союз заинтересован в безопасности своих границ. С целью охраны своих интересов, Англия поэтому стремится обеспечить дружественные отношения в Греции и Турции, а Советский Союз с целью обеспечения своих интересов должен включить в систему советской безопасности Румынию, Болгарию, Венгрию и Югославию. То же мнение высказывает и "Нью-Йорк Таймс", где мы читаем: "Англия пришла к такому выводу, что наряду с Чехословакией и Польшей нужно включить в систему безопасности Советского Союза Румынию, Болгарию и даже Венгрию и Югославию... Советский Союз заинтересован, главным образом, в обеспечении своих границ от нападения, Англия же заинтересована в линиях коммуникаций, ведущих в страны Британской империи, и в безопасности Суэцкого канала и ближневосточных промыслов. Поэтому Англия ищет дружбы Испании и Италии. Греция будет склонна двигаться в английской орбите". /ТАСС, 17 октября, л.3-0/.

Такое разграничение означает, что Англия должна обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и само собой не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности, за исключением (Франции), которой должно быть предоставлено право присоединиться к антигерманскому англо-русскому договору. Третью нейтральную сферу образуют Норвегия, Дания, Германия, Австрия и Италия, с которыми обе стороны

сотрудничают на одинаковых основаниях при постоянной между собой консультации. Против такой схемы соглашения можно предвидеть возражения со стороны Англии в отношении Норвегии, Эгославии и Турции, которые она захочет включить в свою сферу, хотя во всяком случае Норвегия и Турция географически ближе к СССР, чем к Англии. Кроме того, она может настаивать на гарантиях в отношении внутреннего режима и независимости даже для стран советской сферы безопасности.

Что может побудить Англию пойти на такое соглашение? В первую очередь, как выше отмечено, сознание неизбежности серьезных трений и напряженности отношений между Англией и СССР при отсутствии такого соглашения и оставлении за нами полной свободы действий. Исход нынешней войны приведет не только к европейскому, но и к мировому нарушению равновесия сил, что особенно чувствительно будет для Англии. Англия лишится своего господства и первенства на морях, которое несомненно переходит к США. Уже в ближайшем будущем военный флот США почти вдвое будет превышать военный флот Англии. В еще более ускоренных темпах идет отставание английского торгового флота от американского. Уже к августу сего года, согласно опубликованным данным, американский торговый флот вырос больше, чем в три раза, достигая в настоящее время огромной цифры в 35 млн. тонн, в то время как английский значительно ниже своего довоенного уровня /18 млн. тонн/. Еще более отстала Англия от Америки в воздухе. Американский воздушный флот примерно в три раза превосходит английский, а если взять отдельно гражданскую авиацию, то соотношение получается еще более невыгодное для Англии. Свою возросшую мощь США пожелают несомненно использовать за счет Англии. Надо ожидать усиления стремления США к устранению английской конкуренции не только на всем американском материке, но даже в британских доминионах. Политически

это выразится также в вытеснении Англии из тех владений, которые она сохранила еще на американском материке или поблизости от него или по крайней мере в получения там Америкой постоянных баз. Возобновится и вероятно обострится борьба за нефть и каучук. При таких мало радужных перспективах перед Англией не может не возникнуть вопрос о целесообразности обеспечения себе длительного спокойствия в Европе путем прочного соглашения с СССР.

Не может быть безразличной для Англии и наша позиция в тех серьезных разногласиях, которые у нее уже намечаются с США, и которые непосредственно наших интересов не задевают. Вряд ли возможны на этот счет предварительные конкретные соглашения, но у нас может быть в определенных вопросах одна позиция при наличии полной договоренности с Англией по интересующим нас проблемам и иная при отсутствии такой договоренности. Кроме того возможна общность интересов обеих стран при таком, например, вопросе, как удовлетворение претензий США по ленд-лизу. Такая же общность интересов может оказаться и на Дальнем Востоке, если после поражения Японии США попытаются присвоить себе исключительную или непомерно большую роль как в самой Японии, так и в Китае.

Наконец, Англия уже теперь проявляет значительный интерес к своей будущей доле участия в нашей внешней торговле. Хотя эта доля участия будет определяться в основном способностью английских промышленников к выдерживанию конкуренции с США, но и политический фактор отнюдь не будет играть маловажную роль.

Заключение общеполитического соглашения представляется желательным в возможном скором времени, до окончания войны в Европе, а в крайнем случае до окончания войны на Дальнем Востоке. Соглашение облегчит разрешение многих уже назревших и

весьма тернистых вопросов. Кроме того, пока Англия будет занята войной на Дальнем Востоке, наша позиция в переговорах будет сильнее чем по окончании военных действий на всех театрах войны. Ускорение переговоров диктуется также тем обстоятельством, что английская дипломатия уже работает над сколачиванием своей сферы безопасности без всякого, повидимому, сговора с нами. Об этом свидетельствуют ее переговоры с Голландией и Бельгией и поездка Черчилля и Идена в Париж. Когда так называемый западный блок станет почти совершившимся фактом, позиция Англии в переговорах с нами станет сильнее.

Англия вряд ли, конечно, пойдет уже теперь на заключение формального договора, ибо это было бы вызовом Рузвельту. Речь может идти пока лишь о достижении договоренности, но она должна быть возможно полной и точной и принять хотя бы форму джентльменского соглашения.

Договоренность должна охватить:

- 1/ Разграничение сфер безопасности в Европе приблизительно согласно вышеуказанной схеме.
- 2/ Уточнение или изменение англо-советского договора в вышеуказанном духе.
- 3/ Общее согласие на пересмотр конвенции Монте о проливах на основе предложений, которые будут намечены дополнительно.
- 4/ Соглашение на послезоенное время по Ирану, Афганистану и, возможно, Синьцзяну.
- 5/ Признание необходимости своевременной консультации по другим вопросам общего интереса.

6/ Вопросы, связанные с обращением с Германией, в частности предоставление нам острова Рюгена и присоединение к Англии Гельголанда /см. нашу записку "Проблемы Балтийского моря"/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ
ПО ПОДГОТОВКЕ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ
И ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА

М. ЛИТВИНОВ

Отп. 11 экз. вг.

1-й т. Сталину,

2-3 т. Молотову,

4-й т. Деканозову,

5-й т. Лозовскому,

6-й т. Мануйльскому,

7-й т. Майскому,

8-й т. Сурицу,

9-й т. Литвинову,

10-11 в дело.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

АНГЛО- СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР ОТ 26 МАЯ 1942 ГОДА.

Статья III. | I |. Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании об"единиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии.

| 2 |. Впредь до одобрения таких предложений они примут после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья IV. Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон в послевоенный период снова окажется вовлеченной в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье III | пункт 2 |, в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона сразу же окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья останется в силе до того, как по обоюдному согласию Высоких Договаривающихся Сторон она будет признана излишней, в виду принятия ими предложений, упомянутых в статье III | I |. Если таковые предложения не будут приняты, она останется в силе на период в 20 лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии с условиями статьи VIII.